

8. Неожиданная беременность.

Так заперся дома на день, на два, прошло несколько дней. Звонки с работы тоже игнорировал, и в конце концов уволился.

Хабин, заперевшись в комнате, не питаясь нормально, только безучастно проводил время. Чихван, наблюдая за этим, выгорал дотла изнутри. Не мог избавиться от мысли, что из-за его ошибки Хабин разрушен.

Чихван часто заглядывал и заботился, но Хабин совершенно не был в состоянии набраться сил. И сегодня к лежащему, отказавшемуся от еды и питья, Хабину пришёл Чихван, чтобы позаботиться, а Хабин плача и рыдая раздражённо капризничал.

— Из-за хёна это, всё!

— Понял. Понял, говорю. Понял, так что хоть поешь и лекарство прими.

— Не хочу, вырвет, кажется.

— Всё равно надо есть, чтобы поправиться.

— Уук, я правда говорю, что вырвет...

Хабин, зажав рот, яростно мотая головой, вообще ушёл с места. Чихван с обеспокоенным лицом посмотрел на спину Хабина. Худое тело стало ещё более тщедушным. Когда он так похудел. Жалость переполняла его.

— Хабин-а, хочешь с хёном в больницу сходить?

— Зачем в больницу.

Послышался резкий ответ.

— Сходим в больницу, обследуемся, получим лекарство и будем лечиться. Не можешь же ты продолжать так болеть.

— Не хочу...

— Не говори только "не хочу", давай хоть в больницу сходим, а? Кан Севон этот ублюдок должен прийти и забрать тебя, тогда пойдёшь? Так будешь?

— Почему хён постоянно вспоминает не имеющего отношения господина Севона?! Из-за хёна всё испортилось, если будешь продолжать говорить, как, думаешь, мне будет?

— Понял, понял. Прости. Поэтому когда говорю один раз, ответь, что пойдёшь.

— Не хочу, говорю!

— Пойдёшь! Что делает больной, запершись только дома!

В итоге Чихван повысил голос. Хабин, моргая удивлёнными глазами и глядя на хёна, разрыдался. От горя слёзы начали струиться градом. Чихван, глубоко вздохнув, поспешно подойдя, похлопал по спине Хабина.

— Почему это моя вина! Кто просил вмешиваться в мои отношения?!

— Прости, а виноват. Но раз уже так вышло, что поделаться.

— Это же из-за хёна...

Лицо и голос Хабина были полны обиды. Сердце столкнувшегося с ним Чихвана раздиралось от боли.

— Да, всё из-за меня.

— Если бы хён зря не приходил тогда домой и не говорил господину Севону странные вещи!

— Ты прав во всём. Мой рот распустился.

Понемногу начинающего успокаиваться Хабина обняв и похлопывая, Чихван украдкой спросил.

— Всё равно с хёном хоть раз в больницу сходим. Хм? Ты, кажется, сильно болен, действительно думаю, что лучше обследоваться. Хён волнуется, поэтому.

— Не хочу...

— Кан Севон не узнает, что ты так болеешь.

— Опять, опять это! Хён, прекрати уже!

— Понял. Всё время о нём разговор получается. Прости.

— Эх...

На смотрящего влажными глазами Хабина Чихван, извиняясь, потёрся головой о плечо. Хабин, глядя голову такого хёна, резко схватил за волосы и дёрнул. Э-рай, плохой Ким Чихван, этот ублюдок. И снова заговорили.

— Я запишу тебя в большую больницу в терапию, так что сходи и хотя бы обследуйся. Если ничего не ешь, правда серьёзно. УЗИ и эндоскопию тоже всё сделаем.

— Понял...

— Сейчас хоть поесть можешь?

— Нет... Я правда даже воду не могу пить. Что делать?

— Что делать, правда.

— Желудок очень плохо.

— Тогда пока я в аптеку схожу, куплю лекарство, так что побудь дома.

— Угу...

Чихван вышел наружу, а Хабин, отрешённо сидя, погладил свой живот. Желудок не саднил, а тошнило. Казалось, вырвет... Хабин, бухнувшись ничком на кровать, тихо вспомнил Севона. После того дня ни одной весточки не подающий он был обидным, но и понятным.

Чувствует предательство ведь. Буду ненавистен. Я бы на его месте тоже так... Но желание связаться с ним не мог стереть. Хотелось услышать голос. Не мог подавить сердце, постоянно ищущее Севона. Хабин, ворочаясь, схватив телефон, дрожащей рукой набрал номер.

Набравшись большой храбрости, позвонил, но даже спустя долгое время тот не брал трубку. Хабин от горя снова разрыдался. Проливая слёзы струйками и громко рыдая, вернувшийся из аптеки Чихван, увидев младшего брата, испугавшись, обнял Хабина и успокаивал, спрашивая, что случилось.

— Что такое, что случилось. Хм? Где болит?

— Хны... Господина Севона хочу увидеть...

— Эй... Забудь. Всё равно, когда время пройдёт, он тебя тоже забудет. Знаешь, насколько он бессердечный ублюдок?

— Но, но-о...

— Что "но". Хватит. Готовься в больницу идти.

От категоричного ответа хёна у Хабина ещё больше полились слёзы. Хотел верить, что нет, но тот даже на звонок не отвечал, и сразу встретиться не было возможности. Неужели так навсегда расстанемся... Когда подумал, что хочется хоть недоразумение разрешить, Чихван, говоря, что подождёт снаружи, первым вышел из комнаты.

— Не получится ведь...

С понурым лицом Хабин поднялся с места, шатаясь, вышел из комнаты. Ища верхнюю одежду и накинув, застёгивая одежду, цвет лица был совсем нехорош.

О таких подробных симптомах не мог знать Чихван, ожидая в прихожей, говоря быстрее идти, схватив руку Хабина, вытащил наружу. При этом ворчание не прекращалось.

— Вот поэтому за чем вовремя не питаешься. Хоть лекарство принимал бы. Вообще живёшь один, а ничего толком не делаешь.

— Я что-о...

— "Что-о"? Сейчас такой голос получается? Я насколько за тебя беспокоился!

— Хён тоже слишком. Хён сейчас на меня постоянно только раздражается и ворчит. Из-за кого всё так получилось. Если бы не хён, я бы нормально жил. Почему хён там разозлился и устроил скандал господину Севону...

— Ай, правда! Хватит о прошлом, быстрее иди.

— Хён тоже мне очень много чего наговорил! Почему мне нельзя говорить!

— Заткнись!

Чихван, схватив Хабина за загривок, потащил. Двое, севшие в машину, всю дорогу до больницы тупо молчали. Хабин теребил телефон, а Чихван сосредоточился только на вождении. Беспокойство о Севоне было больше, чем беспокойство о том, что нужно обследоваться.

Говорил, что не хочет встречаться с кем попало, потому что много людей лгут и обманывают... Я как раз был таким человеком... Когда Хабин глубоко вздохнул, мельком оглянувшийся на него Чихван, помедлив, тихо позвал.

— Ким Хабин.

— Что!

Хабин на этот голос по-прежнему, остро сверкнув глазами, уставился на хёна.

— Почему ты постоянно извиняешься перед Кан Севоном. Если по твоим словам это моя вина, то тебе и извиняться не за что.

— Хён, это слишком эгоистичная мысль.

— Думай, успокаивая душу. Просто раз из-за меня случилось, думай, что ты не виноват, и пропусти мимо.

— Как это просто так пропустить...

Даже на утешение Чихвана Хабин тяжело покачал головой. Это не была проблема, которую можно было закончить просто несколькими словами. Перед ним, который пострадал из-за него самого, чувство вины пронизывало насквозь. Повернув голову и глядя в окно, когда внезапно всплывало лицо Севона, Хабин в конце концов закрыл глаза. Выдержать было тяжело.

В зале ожидания прибывшей больницы было полно людей. Растерявшиеся братья, стоя застыв, вздохнули. Хабин, говоря, что придём в следующий раз, потянул хёна, но Чихван, говоря, что ни в коем случае, обязательно сегодня хотя бы на обследование запись нужно сделать, остановил Хабина.

Вынужденно схваченный Чихваном и усаженный на стул в углу зала ожидания Хабин, держась за тошнотворящий желудок, скорчившись, осматривал окрестности.

— Чинхи, не надо бегать!

— Не бегаю же-е.

Одна девочка бегала туда-сюда между стульями зала ожидания, поднимая шум. От милого вида Хабин, слегка улынувшись, посмотрел на ребёнка. Когда на мгновение с мыслью, что дети правда милые, даже боль забылась, вернулся хён. Чихван, посмотрев на бегающего ребёнка, нахмурился.

— Чуть попозже имя позовут, тогда войдёшь.

— Угу.

— Нет, как можно ребёнку так бегать в больнице, надо заставить сидеть спокойно, родители ребёнка что делают?

— Хён, прекрати...

В отличие от него самого, Чихван детей особо не любил. Хабин, смотря на настроение такого хёна, дёргая за рукав одежды, говоря прекратить, мягко уговаривал. На эти слова Чихван сразу закрыл рот, но лицо по-прежнему было надутым.

— Где больше всего болит?

Чихван, сидя рядом и разминая руку Хабина, спросил, где точно болит. Хабин, проводя по своему животу, открыл рот.

— У меня желудок сильно тошнит, и кажется, что вырвет, и тело дрожит, и так.

— Это простуда с ломотой в теле подхватил? Или с желудком проблемы?

— Возможно, и так...

— Вот поэтому я говорил хорошо за телом следить. Не слушаешь.

— Но...

— Опять, опять. Что "но". Я не прав?

На его словах, словно видящих насквозь, Хабин пошевелил губами и кивнул.

— Понял...

— Ты сегодня после осмотра получишь лекарство, принимать должен исправно.

— Понял.

— И ещё в день обследования со мной не забудь и приходи.

— Понял же, говорю. Хватит уже.

Кое-как кивнув головой, Хабин, озираясь, когда его позовут, смотрел на медсестёр. Хотел быстрее сбежать от ворчания хёна.

Но сколько бы времени ни прошло, признаков, что позовут его имя, не было видно. В списке ожидающих, показанном на мониторе, впереди ещё много людей оставалось. Когда просто сидел, дрожа ногами, Чихван, говоря не дрожать, схватил бедро. Испуганный Хабин, икнув, обернулся на него.

— Почему так испугался?

— Не знаю...

— До нашей очереди ещё далеко. Сегодня людей много, или всегда так людей много.

— Всё равно хорошо, что немного рано пришли.

— Вот именно. Опоздай мы, не то что обследование, даже осмотр не получили бы.

— Сегодня обследование тоже будем делать? Говорил, только осмотр.

— Только осмотр, но что можно обследовать, то обследуем тоже.

На слова Чихвана Хабин нахмурился. Какое обследование? Плохое предчувствие не обмануло.

— Анализ крови, УЗИ и такие вещи.

— Анализ крови? Укол делать нужно же. Я уколы не люблю.

— Ты что, ребёнок? В наше время даже дети уколы хорошо делают, что за капризы, что уколы не любишь.

— Став взрослым, тоже можно не любить... Как все могут любить?

— Возраст зря прожил.

На слова хёна Хабин, ворча, пробормотал, что нет, но это были слова, которые вообще не принимались. Хабин, попеременно озираясь на талон в руке и медсестру, опустив голову, сделал сухое умывание. Во рту пересохло. Почему так тяжело... Кажется, выступает холодный пот, и желудок постоянно тошнит.

<http://bllate.org/book/15019/1569926>